

ИСТОЧНИКИ

DOI:

ПРОФЕССОР А. Н. ГЕНКО И ЕГО ЛЕКЦИЯ ОБ ОСЕТИНАХ

Л. А. Чибиров

Профессор А. Н. Генко известен как крупнейший российский языковед, этнограф, специалист по истории и этнографии коренных народов Кавказа, как человек незаурядных способностей, позволивших ему свободно владеть почти тридцатью языками. В составе Всесоюзного центрального комитета нового алфавита при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР он создал алфавиты для бесписьменных языков Кавказа – цахурского, лезгинского, табасаранского, абхазского, рутульского, хиналугского. Генко стал и составителем словарей и грамматики. Ученого считают первым исследователем [абазин](#), [убыхов](#), [хыналугцев](#), [цахур](#). В статье сделан вывод о том, что лингвист столь высокого уровня использовал свои лингвистические познания и для углубленного исследования этнографии народов, языком которых овладел. Это подтверждается и фактами трудовой биографии ученого, которая сочетала деятельность в лингвистических и этнографических учреждениях: НИИ сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Петроградском университете, Институт восточных рукописей РАН, где в 30-е гг. Генко заведовал Кабинетом Кавказа, Яфетический институт, Кабинет Кавказа в Институте этнографии АН СССР. Лекции для студентов ЛГУ (Введение в курс этнографии Кавказа) А. Н. Генко позволяют считать его специалистом и по другим этносам Кавказа, в частности по осетинам. Цель статьи заключается в анализе лекции об осетинах, текст которой представлен в настоящей публикации, и приведенных им сведений по широкому кругу этнокультурных вопросов в остальных 19 лекциях курса. В статье анализируется содержащийся в лекциях материал об осетинах, отмечены достоинства и имеющиеся в них неточности. В целом публикуемая лекция позволяет оценить вклад Генко в осетиноведение и в изучение этногенеза, материальной и духовной культуры осетин.

Ключевые слова: А. Н. Генко, лекции, языки Кавказа, этнография, осетины.

Для цитирования: Чибиров Л. А. Профессор А. Н. Генко и его лекция об осетинах // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 48 (87). С. 163-179. DOI:

Имя Анатолия Несторовича Генко (1886-1941), выпускника классического отделения историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, хорошо известно в науке. Ученый широкого научного профиля особенное внимание уделял изучению языков, истории и культуры горских народов Кавказа и достиг существенных результатов.

Во-первых, он владел языками 30 (!) народов кавказской семьи языков (абхазским, адыгскими, нахскими, табасаранским, цахурским и другими). При этом ученый знал их настолько глубоко, что собирал на них материал в полевых этнографических исследованиях. Считая его ученым-новатором, Президент Академии наук Абхазии, академик З. Д. Джапуа пишет, что его новаторство выража-

лось «и в создании алфавитов, первых грамматик и словарей бесписьменных и младописьменных языков Кавказа, в установлении научных связей с учеными и учреждениями Кавказа, в подготовке молодых специалистов» [1, 194].

Кроме того, в изучении языков А.Н. Генко не ограничился северокавказскими. Он овладел азербайджанским, армянским, грузинским, арабским, турецким, древнегреческим и латынью, всеми современными европейскими языками. В этом исключительность Анатолия Несторовича – обладателя феноменальной памяти и способности к изучению языков.

Такую уникальную личность наука потеряла в возрасте 55 лет. Генко стал жертвой репрессий 1930-х годов. Его жизни, научной и образовательной деятельности посвящено немало исследований [1; 2; 3].

Занимаясь масштабно исследованием коренных народов Кавказа, ученый-энциклопедист А.Н. Генко не мог обделить вниманием проживающие на Кавказе другие народы – представителей индоевропейской и алтайско-тюркской языковых семей. В правильности этого предположения убедила находка выше цитированного известного абхазского ученого, З.Д. Джапуа. В Институте восточных рукописей РАН им обнаружена рукопись лекций «Введение в курс этнографии Кавказа», прочитанной Анатолием Несторовичем студентам филологического факультета Санкт-Петербургского университета, и осуществлено ее издание [4]. В этой связи слов искренней признательности заслуживает известный ученый-этнолог, доктор исторических наук, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН Юрий Дмитриевич Анчабадзе, снабдивший издание прекрасным предисловием и научно-выверенными комментариями. Таким образом, спустя 85 лет уникальные лекции по этнографии народов Кавказа

выдающегося ученого-кавказоведа стали достоянием широкого круга специалистов и любителей кавказской старины. Поклон и уважение вам, дорогие коллеги, за такой щедрый подарок.

В чем ценность опубликованных лекции А.Н. Генко? В первую очередь в их принадлежности высокоавторитетному и талантливому ученому, кавказоведу широкого диапазона. Лекции прочитаны ученым, который многократно и довольно продолжительно работал в различных регионах Кавказа. Достаточно сказать, что с 1923 по 1936 г. Генко совершил 20 исследовательских поездок в Абхазию, Грузию, Адыгею, Кабарду, Ингушетию, Дагестан, Азербайджан и изучал культуру народов методом включенного наблюдения. Как справедливо подчеркивал сам Генко, «основой этнографического исследования должно быть, конечно, собственное наблюдение на месте. Если бы я никогда не бывал на Кавказе, не видел этих народов и не общался с ними, то я никогда бы не решился бы выступить в университете с чтением курса по этнографии Кавказа» [4, 421]. Тексты лекции не повреждены временем. Если бы профессор знал, что со временем они станут гласностью, возможно отредактировал бы некоторые места. За занавесом остались карты, иллюстрации, схемы, цитированные источники, которыми пользовался лектор в ходе изложения темы лекции.

Лекции Генко читаются на одном дыхании, они отражают огромную эрудицию лектора, являются итогом исследовательской и экспедиционной деятельности талантливого ученого в области кавказской этнографии. В них немало материала, которого нет в существующей литературе по Кавказу. Думается, они должны стать обязательной рекомендованной литературой для сдающих кандидатский минимум по этнографии народов Кавказа.

Начнем со структуры лекции. Первые две посвящены подробной географической характеристике Кавказа, последующие три (3-5) – обзору исторического прошлого Кавказа и каждого из населяющих его народов. В 6-7 лекциях ученый дает довольно четкую этнолингвистическую классификацию народов Кавказа. Затем следуют лекции по этнографии отдельных народов Кавказа, их культуре, верованиям, фольклору. В последних лекциях (19-20) Генко, обращаясь к слушателям – будущим этнографам, – констатирует, «что народов на Кавказе много, что они находятся на разных ступенях развития, что историческая судьба этих народов очень сложна, и что соответственно этому и факты, подлежащие изучению этнографа, тоже очень многообразны» [4, 409].

Генко представил нам через увеличительное стекло низкий уровень экономического и социально-культурного развития дореволюционного региона и сравнил с тем гигантским культурным ростом, который был достигнут за какие-то два десятилетия советской эпохи. Существенными стали успехи в деле повышения грамотности населения: письменность, школы, языковое строительство, ликвидация безграмотности. Как подчеркивал Анатолий Несторович, советская строй «перевернул жизнь кавказских народов в такой степени, в какой ни одна историческая эпоха ее не переворачивала» [4, 405]. И с этим трудно не согласиться. «Знание фактов этнографии, – говорил он на заключительной лекции, – позволяет нам увидеть весь процесс постепенного роста культуры человечества и оценить по настоящему те блага, которыми мы пользуемся. У нас бывает плохое настроение, но если мы поймем, какая колоссальная культура затрачена на то, чтобы научиться строить такие дома, с такими светлыми окнами, да еще с электрическим освещением,

то мы себя почувствуем себя Крезами (царь Лидии, одним из первых начал чеканить деньги. – Л. Ч.). Мы так счастливы, как никому во сне не снилось» [4, 409]. Так оценивал ученый-просвещенец грандиозные перемены в быте и культуре горцев Кавказа при новой социальной системе.

В предлагаемой публикации нам хочется познакомить читателя с взглядами выдающегося ученого об осетинах. Хотя осетины как этнос не входили в круг исследовательских интересов Анатолия Несторовича и он не совершал специальных экспедиций в Осетию, лекции свидетельствуют, как прекрасно ориентировался ученый во всех основополагающих вопросах этногенеза и этнической культуры осетин. Мы не увидели в лекциях об осетинах никакой предвзятости, отклонений от исторической истины – только объективное изложение.

Разумеется, в рамках одной лекции нельзя охватить необъятное, поднять и осветить все узловые вопросы этнографии народа, тем более осетин, культуру и быт которых Генко считал наиболее изученными в сравнении с другими народами Кавказа. Несомненно, вопросы этнографии осетин изложены в лекции исторически достоверно и объективно. Хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые недочеты и неточности, имеющиеся в лекции.

Исследователь называет жилой башней только *галуан*, в то время как существовал и другой вид жилой башни, дом-крепость *гамах*. В описании горного осетинского селения он указывает, что количество башен равняется, как правило, количеству селений [4, 301], что не соответствует действительности. Известно, что башни строили состоятельные роды, большие фамилии (*стыр мыггагтае*), а в некоторых селениях проживало несколько таких фамилий. Всего один пример. Во второй половине XVIII в. поездку

по горной Осетии совершил грузинский ученый-географ Вахушти Багратиони. Описывая наиболее значительные населенные пункты, он отмечает: «Цимити – село большое и башенное, Кобан (у Вахушти *Хъабани*) – село большое и башенное... Какадури село большое, прекрасное, башенное и крепость на подошве горы-скалы» [5, 144).

Неполно представлен в лекции пантеон осетин: отсутствуют популярнейшие святые Уастырджи, Курдалагон, Сафа, Донбеттыр и другие небожители. Генко говорит о германской «теории» происхождения осетин и правильно ее критикует. Но к концу 30-х годов XX в. были предложены и другие «теории» этногенеза осетин, о которых следовало хотя бы упомянуть. Не разделяем и следующее утверждение Генко: «Осетины относятся к иранцам, имейте в виду, что это касается только языка» [4, 296]. В течение двух тысяч лет совместной жизни осетины многое переняли от соседей, о чем говорит Анатолий Несторович и студентам: «Осетины в отношении бытовом, в отношении материальной культуры, внешнего быта, целого ряда общественных учреждений проявляют черты сходства и ближайшей связи со своими соседями» [4, 293]. При этом лектор правильно подчеркивает, что этих общих явлений в культуре народов Кавказа множество. В традиционной социальной культуре это аталычество, гостеприимство, кровная месть, семейный уклад, этикетные нормы (уважение к старшим и др.), отголоски тесной связи с материнским родом (роль дяди по матери) и многое другое; в культуре жизнеобеспечения – национальный костюм, праздник первой борозды, террасное земледелие, очаг и надочажная цепь как символы единства семьи; в духовной культуре – общие фольклорные сюжеты (прообразы Прометея), общекавказский культ охоты (Афсати), культ коня, его посвящение покойному. Пребы-

вая продолжительное время на смежной территории, народы контактировали, шли процессы культурного взаимовлияния. Отзвуки их в осетинском быту отмечаются до сих пор – андийская бурка, дагестанская лезгинка, кабардинский танец *кагсгон кафт* и многое другое.

Вместе с тем ошибочно думать, что кроме языка у осетин ничего от иранского прошлого не сохранилось. Да и сам Генко, противореча себе, писал: «Осетины интересны с точки зрения этнографической, главным образом вследствие богатейших переживаний языческого культа. Пожалуй, ни у одного кавказского народа, кроме абхазцев, не сохранилось такого огромного количества переживаний древних языческих воззрений, как у осетин» [4, 301]. Но эти «переживания языческого культа» – сплошь и рядом иранские, индоевропейские.

А. Н. Генко считал осетин крупным народом на Кавказе (уступали они в численности лишь чеченцам и ингушам). В этом отношении сегодня демографическая картина выглядит иначе. Вместе с тем, ученый делает любопытный вывод: «Территория, занимаемая осетинами в историческую эпоху, все больше и больше сокращается» [4, 300].

Нуждается в уточнении и утверждение Генко, будто конские ристалища осетин заканчиваются закланием коней, принесением их в жертву покойникам. Широко известный обычай заклания коней в память покойнику бытовал у этногенетических предков осетин – скифов. Конину употребляли в пищу и в аланское время. Об этом писал путешественник Г. де Рубрук побывавший в XIII в. в Алании [6, 18]. Обряд посвящения коня покойному осетины проводили вплоть до недавнего прошлого, сохраняя традицию, подробно описанную в литературе [7] и также допуская инновации, которые подчеркивали святость этого действия. Однако в новое время, во всяком случае с XIX

в., ни один случай заклания коня и употребления конины осетинами не зафиксирован ни в письменных источниках, ни полевым материалом. Конь не был жертвенным животным у осетин, но был единственным объектом посвящения покойному [8,181]; на его заклание и употребление в пищу было наложено табу.

В целом лекция, прочитанная А. Н. Генко об осетинах, их языке, истории, традициях, обрядах, академически выдержана, оставляет хорошее впечатление. При этом, не предъявляя претензий лектору, укажем на отсутствие в лекциях сведений о некоторых важнейших явлениях материальной и духовной культуры осетин, без которых этнокультурный облик народа оказывается не вполне соответствующим реальности. В лекциях упоминаются лишь нартовские сказания черкесов, и то по брошюре А. Н. Дьячкова-Тарасова «Абаздехи». Между тем к 40-м годам XX в. осетинские нартовские сказания были наиболее распространенной версией эпоса, ибо были опубликованы и в переводе на русский язык в «Сборнике сведений о кавказских горцах», «Осетинских этюдах» В. Ф. Миллера, в первых двух книгах «Памятников народного творчества осетин». Потому лекция бы выиграла, если бы студенты услышали об этой жемчужине народного творчества осетин.

Однако материалы об осетинах во «Введении в курс этнографии Кавказа» не исчерпываются одной лекцией: во вводных лекциях содержатся представляющие интерес сведения об истории народов Кавказа и их языковой классификации; дается интересная информация и в других лекциях – в основном в качестве сопоставительного материала.

Ученый хорошо ориентируется в сложной проблеме этногенеза осетин, возводя его к этногенетическим предкам – скифам. О скифском языке Генко пишет: «Мы, правда, скифского языка

в подробностях не знаем, но есть некоторые данные, которые позволяют судить об этом языке. Этот язык иранский по своему типу, близкий к осетинскому, из языков Кавказа» [4, 31]. А автор комментариев Ю. Д. Анчабадзе дополняет мысль ученого: «Скифский язык принадлежит к восточной подгруппе иранской группы индоевропейской языковой семьи» [4, 41].

Генко говорит о первом упоминании алан на Кавказе: «Эпоха появления на Кавказе народа, потомками которого являются осетины, народа, который тогда назывался аланами, определяется примерно I в. н.э. Примерно 1900 лет тому назад аланы с северо-востока, с Арало-Каспийской низменности проникли на Северный Кавказ». Дополняя лектора, отметим: одновременно аланы проникли и на юг России, в низовья Дона. Как правильно отмечает Генко, аланы наводнили собой северокавказские степи, продвинулись до гор, проникли через горные проходы в Закавказье, где совершали грабительские налеты. Он пишет: «Нам известны из истории отдельные стычки, которые имели место между аланами и населением Закавказья, в частности, армянами». В действительности на территорию Армении аланы совершали походы в 35, 72 и 133 годах. Дополним лектора – со II по V в. аланы совершали походы и на территорию Грузии [8, 35, 36]. Подытоживая свои мысли, Генко пишет: «Итак, давность пребывания алан на Кавказе, впоследствии переименованных в осетин (осетины – грузинское название, сами осетины так себя не называют), исчисляется с I в. н.э.».

По А. Н. Генко, аланы – какой-то специфический кавказский народ. И объясняет их специфичность: «Будучи иммигрантами, вселенцами, они до такой степени прочно ассимилировались, поглотив ряд местных элементов, подчинив их своей иранской стихии, они до того

прочно обосновались в горах и предгорьях, что находятся в промежуточном положении между собственно кавказскими народами и народами, только случайно в данный момент присутствующими на Кавказе». Ученый прав. Сотни лет совместной жизни при теснейших этнокультурных взаимоотношениях не позволяют назвать алан-осетин чужаками на Кавказе. К тому же осетин вне Кавказа нет, и это дает дополнительное основание считать их специфическим кавказским народом [4, 148].

Споры о том, являются ли осетины народом кавказским или пришлым, продолжают и ныне, в то время как четкий и внятный ответ на вопрос Анатолием Несторовичем был дан 83 года назад: «Осетины живут на Кавказе почти две тысячи лет. Они так должны были сродниться с Кавказом, кавказские условия так должны были отразиться на их национальном и культурном облике, что их тоже приходится считать кавказцами в известном смысле. Так оно и есть. Давность пребывания предков осетин на Кавказе столь значительна, что они в значительной мере могут быть относимы к кавказским народам» [4, 95]. Ученый правильно считает их переселенцами из Средней Азии, и называет самых близких к ним по языку – ягнобцев, проживающих на территории Узбекистана [4, 95].

Говоря о русско-аланских взаимоотношениях, Генко пишет о ключнике суздальского князя Андрея Боголюбского ясе Амбал. Русские князья часто брали себе в жены ясынь, т.е. женщин-осетинок. Генко верно определяет территорию расселения аланских племен в раннее средневековье, подчеркивает, что связи алан с русскими князьями имели место не с современными осетинами-горцами, а с равнинными и плоскостными ясами, «которые жили далеко в степи, на Нижнем Дону. До татаро-монгольского на-

шествия там были яские города и оттуда-то происходили эти элементы, – говорит ученый [4, 107].

О дальнейшей трагической судьбе алан и их государственности на Северном Кавказе Генко прямо не пишет, но говоря о территории, занимаемой карачаевцами и балкарцами, он указывает: «В тех местах, где они сейчас живут, население существовало искони» [4, 97]. Под этими местами подразумевалась территория Западной Алании, опустошенная в ходе войны с татаро-монголами и занятая предками карачаевцев и балкарцев [9, 156-157].

В лекции, посвященной классификации народов Кавказа, Генко сообщает студентам подробности о представителях иранских народов. Вслед за краткой характеристикой курдов, талышей и татов он пишет: «Из других народов иранской группы, имеющих на Кавказе, следует назвать еще один народ, очень известный, именно осетин, которые сами себя называют иронами». Ученый говорит о группах осетин: ироны (иронцы), дигорцы и тувальцы с указанием мест расселения. Говоря о дигорцах, пишет, что дигорский язык так сильно отличается от осетинского, что в первые годы советской власти они имели свою письменность и свои школы; потом от этого отказались. Неправ Генко, считая тувальцами одних южных осетин. К тувальцам относятся и жители Наро-Мамисонской котловины Северной Осетии (*сау тувальта* – «черные тувальцы» в отличие от *урустуальта* «белые тувальцы», т.е. южане). Их язык ученый правильно считает более близким к иронскому, чем к дигорскому диалекту [4, 146-147]. Позиция ученого о языке осетин в принципе правильная, но нуждается в конкретизации вопроса о диалектах и говорах осетинского языка. Лектор сообщает студентам и численность осетин по переписи 1939 года – 350 тысяч.

Анатолий Несторович многократно подчеркивал, что осетины представляют очень большой интерес с точки зрения этнографической. У них сохранилось до последнего времени много таких бытовых черт, которые выделяют их среди всех народов Кавказа [4, 148].

По его мнению, ученые интересовались не только народом, но и языком, посредством которого можно проникнуть в различные стороны жизни данного народа и познакомиться со всеми сторонами его быта. «Именно благодаря этому, – пишет ученый, – этнографическое изучение осетин, сравнительно с другими народами Кавказа, стоит на довольно большой высоте» [4, 411]. Разумеется, язык был важнейшим фактором, привлечшим вни-

мание путешественников и ученых к осетинскому этносу, но посещавших Кавказ ученых и путешественников интересовал и сам факт: что за народ, каким чудом он оказался в глубине Центрального Кавказа? Этим любопытством были вызваны к жизни многие «теории» происхождения осетинского народа: угро-финская, полонская, германская, семитская и др.

Нет сомнений в том, что лекции А. Н. Генко являются большим вкладом в историографию истории и культуры народов Кавказа.

Представляем полный текст лекции кавказоведа А. Н. Генко, посвященной осетинам [4, 293-309]. Прочитана 3 декабря 1940 года.

А. Н. Генко. Введение в этнографию Кавказа.

Лекция 14

3 декабря 1940 года

Сегодня нам придется говорить о наилучше изученной в этнографии Кавказа народности, – об осетинах, которые сами себя называют ирон. Осетины привлекали к себе особое внимание этнографов. Это объясняется тем, что научное обобщение и научные выводы о далеком прошлом народов, получаемые этнографическим путем, сочетались с изучением языков. Это, конечно, правильная постановка вопроса. Осетины принадлежат по языку к индоевропейской группе народностей, к которой принадлежат и русские, и большинство народов Европы¹. Так как это индоевропейская или индогерманская группа языков представляется на сегодняшний день наилучше изученной, то сочетание исследований в области сравнительного языкознания с исследованиями этнографическими особенно привлекало ученых. В частности, двух русских ученых – М. М. Ковалевского² и В. Ф. Миллера³. Это, пожалуй, наиболее яркие фигуры в области науки кавказской этнографии. (Миллер умер в 1913 году, Ковалевский – в 1916 году.) Труды этих двух ученых являются образцами того, что дала этнография применительно к Кавказу в дореволюционное время. Оба они главным образом занимались осетинами. Во-первых, в силу интереса к индоевропейским народам вообще, а во-вторых, потому, что осетины оказались в очень своеобразных условиях: они оказались в горах, окруженными иноязычными народами. Станным образом, сохраняя свой язык, указывающий на их происхождение из других мест, осетины в отношении бытовом, в отношении материальной культуры, внешнего быта, целого ряда общественных учреждений, проявляют черты сходства и ближайшей связи со своими соседями.

Осетины – одна из самых крупных народностей Кавказа. Последняя перепись 1939 года насчитывает около 355 тыс. человек, признающих своим родным языком осетинский⁴. Из числа горных народов, которые являются предметом наших занятий, большим по численности народом, чем осетинский, являются только чеченцы. Чеченцев, вместе с ингушами, свыше 500 тыс.

Осетины занимают центральную часть Кавказского хребта. Имеющаяся на Кавказе Военно-Грузинская дорога (Военно-Грузинская потому, что она была военной дорогой, обеспечивавшей связь России на Северном Кавказе с Грузией), – с таким же основанием могла бы называться Военно-Осетинской дорогой, потому что ряд селений, расположенных на ней, являются осетинскими. Это крайняя восточная граница распространения осетин. На западе крайней границей является течение р. Урух, – одного из притоков Терека.

Нужно еще отметить, что осетины располагаются одинаково и на северном, и на южном склоне центрального хребта. Поэтому различаются две Осетии: Северная – большая, и Южная – меньшая. Примерно 100 тыс. осетин живет на южном склоне, и свыше 200 тыс. – на северном. На севере они образуют Северо-Осетинскую республику, а на юге – Юго-Осетинскую автономную область. Центром северной части является город Орджоникидзе, бывший Владикавказ⁵. Это в недавнем прошлом город не осетинский. Вообще все города на Кавказе, за исключением кавказских крупных городов, по существу являются русскими городами и возникли они уже в последнее время. Владикавказ свое существование начал в конце XVIII века. Была такая

крепость «Влади-Кавказ» (т.е. «владей Кавказом»). Центром Южной Осетии является город, в прошлом называвшийся Цхинвал, а сейчас – Сталинир, т.е. Сталинская Осетия, потому что «Ир», это национальное название Осетии⁶.

Благодаря многочисленности осетин, экономическая характеристика их не может быть единой. Есть осетины горные и осетины плоскостные, выселившиеся с гор в сравнительно недавнее время. В зависимости от района, от его высоты и т.д. меняется довольно существенно внешний быт населения и экономические основы его существования.

В основе осетинского хозяйства лежит земледелие. В самых высоких, самых холодных местах сеют ячмень и рожь. Ниже – яровую пшеницу, а в самых низких местах – кукурузу. В Осетии развито также садоводство и вообще плодоводство. В Северной Осетии имеется целый ряд селений, источником благосостояния которых является разведение фруктовых деревьев. В районе Военно-Грузинской дороги имеется ряд селений (Коби, Крестовский перевал), которые главным источником существования должны считать скот, причем скот в Осетии преимущественно крупнорогатый. Коневодство совершенно не характерно для осетин сейчас, хотя, как мы увидим, в народных представлениях конь играл очень большую роль.

Сам по себе факт превращения народа степного, народа, который был кочевым и разводил коней, в оседлых горцев, живущих в труднодоступных местах, и строящих свое благополучие на культуре хлеба, – этот факт представляет собой явление незаурядное, и заслуживающее большого внимания. На этом примере мы видим, что нет границ приспособляемости человека. Аристотель определял человека как животное общественное. К этому можно было бы добавить, что человек является животным бесконечно приспособляющимся.

В самом деле, какое животное может до такой степени изменить условия существования, как человек, который ухитряется жить на льдинах Северного полюса, летать в любых широтах, плавать под водой и двигаться с разной скоростью по поверхности земли. Это все результат сочетания опыта современного человечества, накопленного тысячелетиями, с природной приспособляемостью. Но даже человек, лишенный всяких технических возможностей, и то проявляет большую гибкость. Гибкость человеческого организма гораздо выше гибкости организмов других живых существ. В этом и сила, и слабость человека одновременно. Сила в том, что он приспособился к любым условиям; слабость в том, что он в этом приспособлении может перейти всякие границы. Человек, например, может свыкнуться с мыслью о том, что бросать бомбы в себе подобных – совершенно естественно. Такая моральная приспособляемость – опасная вещь. Но и она является производным богатых возможностей человеческой природы.

Предки осетин, так называемые аланы или ясы, кочевой пастушеский народ, жили в степях, к северу от Дона (Дон – осетинское слово, обозначающее «река»).

Скифы, занимавшие южнорусские степи, и сарматы – тоже ближайшие сородичи осетин. Это народы, причисляемые к иранской ветви индоевропейских языков. Но когда вам придется читать о том, что осетины относятся к иранцам, имейте в виду, что это касается только языка. Мы наблюдаем тут любопытный разрыв между традицией языковой и традицией общественной и иной. Язык оказывается как бы сам по себе, а навыки, быт населения уводят нас в другую сторону.

Скифы, сарматы и прочие были кочевниками. Они на конях уезжали далеко и таким образом уклонялись от боя со своими врагами. Существует исторический рассказ о том, как древнеперсид-

ский царь Дарий вздумал воевать со скифами и что из этого вышло. Скифы ушли все дальше и дальше, а Дарий шел за ними, пока убедился, что ушел слишком далеко. С ним случилось примерно то же самое, что впоследствии произойдет с Наполеоном, который тоже зашел чересчур далеко и потерял из-за этого сначала армию, потом – государство и голову. Эта тактика скифов показывает их нам как хорошую конницу. Сейчас этого нет. Но в народных преданиях и обрядах сохранились некоторые остатки, показывающие бывшее значение лошади. Прежде всего это отражено в погребальном обряде, во время которого конь, хотя и символически, должен быть обязательно принесен в жертву покойнику. Когда-то лошади приносились в жертву в натуре, а потом ограничивались тем, что коню отрезали ухо, и это символизировало его заклание.

Вторым отражением прежнего значения лошади являются осетинские конные скачки, которые называются «дугъ». Скачут иногда на сотни километров, по совершенно непроезженным местам, причем призами служили обычно всякие предметы, принадлежавшие покойнику, в честь которого и устраивались скачки. Но основной смысл этих скачек заключался в том, что они были ристалищами, заканчивавшимися закланием коней. Мы знаем из археологии, что иногда вместе с похороненным человеком находят кости многих лошадей. Так что эти скачки, несомненно, отражают эпоху, когда участвовавшие в скачках лошади потом закалывались и приносились в жертву покойнику.

Сейчас у осетин лошадь особой роли не играет. Скачки же, которые имеют место, являются просто поводом повеселиться.

Соответственно проживанию в горах у осетин вырабатывался и весь хозяйственный уклад, инвентарь и т. д. В горах,

например, имеется большое количество мест, где телега и вообще колесо лишены всякого значения. Там просто нельзя проехать. В языке жителей этих селений не существует даже слов «телега» и «колесо». Но перевозить некоторые тяжести там приходится. Как же это делается? Конечно, больше всего таскают на собственной спине. Из описаний путешественников мы знаем, что когда нужно таскать землю или глину для постройки дома, то кавказцы, преимущественно женщины, навьючивают себе на спину невероятные тяжести, и несут их иногда по несколько километров по ужасным дорогам. Это самый простой и самый верный способ транспортировки. Кроме того, применяется вьюк, т. е. небольшой груз, перевозимый на животных. Вьюки в Осетии бывают иногда очень своеобразны. Иногда можно встретить стог сена, который по первому впечатлению движется сам собой, и только при ближайшем рассмотрении оказывается, что из-под стога торчат лошадиные ноги. Таким путем удается перевозить по 10-12 пудов сена. Делается это с большим искусством. Надо изловчиться так, чтобы эта огромная копна не развязалась. Существует еще один способ. В Осетии ровной земли мало, поэтому приходится иногда косить, а также убирать хлеб под очень резким углом. Для того, чтобы косить и убирать хлеб в таких местах, требуется большое искусство. Сено, скашиваемое таким образом, сбрасывается постепенно книзу, здесь оно особым образом перевязывается, и затем уже сбрасывается с кручи.

Это все способы элементарные. Более сложным и вместе с тем заменяющим телегу приспособлением являются своеобразные сани. Зимой и летом в горах ездят на санных. Благодаря своеобразным полозьям, эти сани могут пробраться по склонам там, где колеса наверняка переломались бы. В условиях, допускающих все-таки известное применение ко-

лес, можно встретить комбинацию телеги с саними: передок – сани, а задняя часть – кузов телеги.

Необходимость постоянно считаться с каменистой почвой и возможностью поломки тех или иных орудий приводит к своеобразному устройству их. Например, на граблях имеются зубья, которые вращаются в своем основании. Получается скольжение и большая устойчивость. Это тем более важно, что все это делается из дерева. Вообще старый быт на Кавказе характеризовался преобладанием дерева как материала хозяйственного назначения. Из дерева делаются, например, кружки, из которых пьют. Они напоминают пивные кружки. В Русском музее есть образцы деревянных кружек из Осетии и Дагестана. Кружки эти всегда украшены резьбой с геометрическим орнаментом. Кроме кружек бывают большие сосуды для хранения всевозможных продуктов – масла, зерна, сыра и проч.

Вилы, которые употребляются для сельскохозяйственных целей, тоже деревянные. Для того, чтобы деревянная развилка не ломалась, на деревянное острие насаживается рог козий или воловий. Иногда насаживаются рога диких животных – турьи и проч. Рога служили также в качестве сосуда для питья. Тут чаще всего употребляются воловы рога, из которых пьют пиво. Пиво – одна из ярких особенностей осетинского быта. Осетины варят пиво из ячменного солода. Для этого ячмень сначала бросают в воду, он прорастает; затем воду сливают, ячмень высушивают, толкут и варят с хмелем. Многие ученые усматривали в осетинах сходство с германцами по целому ряду наивных обстоятельств. Кроме пива, отмечались еще некоторые лингвистические особенности. Например, старшина по-осетински назывался «алдар», считали, что это скандинавское «ольдерман». Шапка по-осетински «худ», считали, что это немецкое «Hut». Ряд не-

мецких ученых, проезжая Осетию, все время удивлялись: ведь это настоящие немцы: говорят «алдар», пьют пиво и носят «Hut». Какие же могут быть сомнения в том, что они – наши отдаленные родственники. Это, конечно, неверно. Некоторые слова оказываются созвучными просто потому, что они являются общими для всей группы языков индоевропейской системы. В этом отношении осетины одинаковые родственники и немцам, и русским и т. д.

Но роль пива в осетинском быту действительно обращает на себя внимание. Между прочим, это пиво варили в необычайных котлах, вместимостью до ста ведер. Разумеется, такие котлы не могли принадлежать одному человеку или одной семье. Это были родовые котлы, принадлежащие одновременно большому количеству людей. Котлы эти врыты в землю.

Между прочим, в отношении соседей осетин с востока, чеченцев, наблюдается та же роль котлов. Там это медные котлы, которые в прошлом играли какую-то своеобразную роль, до сих пор неясную. Сейчас в быту чеченцев ничего подобного нет. Назначение этих котлов для варки пива у осетин не может быть привлекаемо для объяснения чеченских котлов. Это дает лишь основание предполагать, что та часть Чечни, где подобные котлы известны, когда-то была населена народностью, родственной современным осетинам. Анализ топонимических материалов (топонимика – название местности, рек, гор), в сочетании с целым рядом других соображений, приводит к любопытному выводу, что территория, занимаемая осетинами в историческую эпоху, все больше и больше сокращается. Они уступали ее своим соседям. И вот, может быть, эти чеченские котлы как раз свидетельствуют об этнографической близости чеченской среды и осетино-иранской.

Плут, который употребляется в горах,

тоже не железный. Это скорее соха, представляющая собой загнутый сук. Острие обжигается и на него надевается железный лемех. Иногда соха целиком состояла из дерева. На острие можно было насадить рог или набить камень, так как дерево очень быстро изнашивается. Но даже при наличии железных наконечников такая соха представляется орудием чрезвычайно примитивным. Настолько трудно пахать такой сохой, что в нее приходилось впрягать огромное количество животных. Нельзя, конечно, думать о том, чтобы пахать одной лошадью или парой лошадей. Такая соха очень тяжелая, неповоротливая, тупая. Она не врезается в землю, а роет ее. И вот запрягают шесть или восемь пар быков, которые тащат этот деревянный сук. И это называется пахотой. В личном владении, конечно, такого количества быков не может быть. Поэтому, чтобы пахать, приходилось организовывать сообщество под названием «зиу», или «зив» (взаимопомощь). Для того, чтобы осуществить пахоту, необходимо было соединить хозяйственные усилия целого ряда людей. Было так, что один хозяин дает плуг, второй – пару быков, третий – еще что-нибудь и пахнут последовательно – у одного, другого, третьего. Те же, которые не имеют ни плуга, ни быков, выступают в роли пахарей. Так что тут получается своеобразное сочетание обладателей орудий производства и обладателей только своей собственной физической силы. «Зив» играл очень большую роль. Ряд исследователей говорили: как это чудесно: от времен первобытного коммунизма до нас дошли такие прекрасные порядки.

Дома в Осетии каменные, сложенные из шиферных плит. Строевого леса там нет. Только в Южной Осетии, в частности, в верховьях р. Лиахва, наблюдается частичное применение дерева, но это не характерно.

С Осетией мы вступаем в полосу

очень своеобразной зоны, которая называется в литературе башенной культурой. Дело в том, что в горах Кавказа можно встретить огромное количество старинных башен, очень высоких и своеобразных. Назначение этих башен двоякое: различаются башни жилые, или дома-башни, и башни боевые. Жилые башни называются в Осетии «галуан», а боевые башни «мæсыг» (читается «машиг», потому что звук <...> средний между «с» и «ш»).

Количество башен равняется, как правило, количеству селений. Селения в горах очень небольшие, это общий закон. Горное селение обыкновенно насчитывает 3-4-5 дворов, тогда как плоскостное селение иногда насчитывает несколько тысяч населения. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, для того, чтобы поселиться большим компактным селением, нужно обладать соответствующим местом. Как правило, в горах отсутствуют топографические условия, которые позволили бы в одной точке сосредоточиться большому количеству домов. Во-вторых – не было необходимости жить большими селениями. Ведь большие селения на равнине возникают в условиях необходимости обезопасить себя от всяких неприятностей. Умиротворение Кавказа и возможность существовать под защитой государства возникло только на наших глазах – в XIX веке. До первой половины XIX века безопасность такого плоскостного селения ничем не была гарантирована. Каждый момент можно было ожидать, что появятся какие-то люди, которые будут грабить, уводить скот и т. д. Поэтому приходилось на плоскости селиться более крупными селениями, которые огораживались. Кроме того, сама емкость гор ограничена.

В 1886 году по случаю предполагавшегося введения всеобщей воинской повинности была произведена первая точная перепись населения (точность ее тоже от-

носительна; в частности, учет детей грудных, а также 2-3 лет всегда хромал; но это максимально возможное, в условиях статистического учета, приближение к истине). Как бы то ни было, мы можем констатировать очень любопытный факт. Там, где имеются цифры на протяжении ряда лет, мы почти не видим в горах прироста населения. Как были цифры в 80-х годах [XIX века], так они в общем и остались. Все избыточное население уходит с гор и рассеивается где-то на плоскости. Весь прирост населения приходился на места, допускающие расселение. Где не было возможности выйти на плоскость, дело кончалось просто эмиграцией в Турцию. Еще в 1905 году в целом ряде районов Кавказа имели место факты выселения в Турцию. Словом, население гор оказалось дошедшим до того предела насыщения, дальше которого хозяйственные условия не допускали. Перенаселенность гор идет от давнего времени. Когда-то в старину смертность была выше вследствие постоянных войн, моровых заболеваний и проч. На почве грозной роли болезней возникал даже соответствующий культ. Существовал, например, специальный бог оспы, один из самых популярных в Осетии языческих богов – Золотой Алларды. Сейчас оспа не страшна. Но когда-то она была страшным бичом на земле вообще и на Кавказе в особенности. Эпидемия оспы страшно опустошала селение. Таким образом, был естественный источник, который убавлял население, держа его на определенном уровне. Этим облегчалась жизнь тех, кто оставался в живых в результате всех злослучений.

Когда после завоевания Кавказа русскими общие условия в смысле физической безопасности изменились, прекратились войны, несколько улучшились санитарные условия, – начались бедствия другого порядка. Рост населения ухудшал экономические условия существова-

ния. Выселение с гор, занятие плоскости имело место, но этого оказалось недостаточным. В частности, осетинам русское правительство по целому ряду соображений предоставило территорию Владикавказской равнины и района нынешнего Орджоникидзе. Это разрядило несколько положение в горах, но достаточно было 2-3 десятилетий, и рост населения опять давал себя чувствовать. Земельные ресурсы оставались прежними, а население росло. Обычно такой рост населения сопровождается повышением производительности труда, повышением уровня культуры. Но здесь это отсутствовало, никакой помощи в этом отношении населению не оказывалось.

К революции 1905 года земельный голод в горах, в частности в Осетии, достиг кульминационной точки. На этой почве были всякие эксцессы. Это питало революционное настроение населения, которое ради земли готово было пойти на все.

Словом, в горах селения маленькие, и в каждом таком селении возвышаются башни, жилые и военные. Башни здесь четырехугольные, в отличие от круглых башен средневековой Европы. Высота башен несколько десятков сажен, в башнях 7-6 этажей. Диаметр башни в верхнем и нижних этажах неодинаков, кверху башни суживаются. Башни, как правило, не имеют крыш, верхний этаж открыт. Это в военных башнях.

Вход в башню, как правило, производится не с первого этажа, а со второго. Сообщением между этажами служит дыра в полу. Для того, чтобы забраться в такую башню, нужно иметь специальное приспособление. Таким приспособлением обыкновенно служит лестница, представляющая собой бревно со сделанными на нем зарубками. Лестница эта переносная. При входе в башню бревно втаскивается вовнутрь и к башне уж никак не подобраться. Осилить засевших в такой башне лю-

дей, при отсутствии артиллерии, невозможно. Во время Гражданской войны действие артиллерии на этих башнях, в частности, в Чечне, сказалось в полной мере. Достаточно было одного залпа артиллерии большого калибра, чтобы башня была уничтожена. В отличие от жилых домов и от жилых башен, башни боевые строились на славу. Стены толстые, аршина 2-2,5 с половиной, огромные плиты, прекрасно пригнанные, в общем, сооружение чрезвычайно прочное. Точную датировку башенной культуры нельзя дать, потому что нет соответствующих надписей. Но можно предполагать, на основании преданий и воспоминаний, что некоторые башни строились еще в XVIII и даже в начале XIX века. Так что башенная культура дожила вплоть до русских времен.

Относительно назначения различных этажей. Нижний этаж имеет двойное назначение. Во-первых, здесь склад товаров и запас воды. (Вопрос с водой – самое уязвимое место. Если бы удалось провести к башне источники водяного снабжения, то башня превратилась бы в недоступную твердыню.) Кроме того, нижний этаж служил ямой для пленников. Второй этаж был главным этажом, приемной комнатой. В третьем этаже было помещение для семьи, а верхние этажи имели военное назначение. Там были устроены узкие щели, бойницы, через которые стреляли. В старое время – из луков, позднее – из ружей.

Еще в начале XVIII века осетинское горное население было вооружено преимущественно луком и стрелами, причем стрелки они были замечательные. У осетин были особые кожаные щиты, круглые, по краям обитые железом. Посредине был особый выступ, шишечка, назначение которой было ослаблять удар. Это оружие довольно своеобразное.

Следует отметить культ оружия. Во всех преданиях и легендах фигури-

рует шашка, которая сама рубит врага и не успокаивается до тех пор, пока все враги не будут уничтожены.

Башня заканчивалась зубчатой верхушкой, которая служила дозорным пунктом.

Расположена башня обычно в таких местах, откуда открывается широкая перспектива. Вообще, в горах горизонт очень ограниченный, глазу некуда деваться. Но все-таки башни эти располагаются в местах, откуда наилучшая видимость, чтобы стоящий на вершине такой башни человек мог наблюдать на большом расстоянии приближение врагов.

Башни жилые значительно ниже. Они состоят из 3-4 этажей. Башни эти шире в основании и образуют более неуклюжую толстую постройку.

Существование башен вызвано главным образом тем, что условия были небезопасны. Это жилой дом и вместе с тем крепость. Другой мотив, который часто приводился в объяснение этих башен как жилищ, – тот же самый, который приводится в объяснение небоскребов в Соединенных Штатах – желание сэкономить площадь.

Недостаток удобной земли и желание сэкономить каждый клочок ее для хозяйственных целей побуждает население селиться в домах, которые растянуты не вширь, а ввысь.

Башни эти находятся в родовом владении. Вообще башни жилые распространены меньше, чем боевые.

Обыкновенные дома – каменные, сделаны так плохо, что довольно быстро разваливаются. Это просто сложенная куча камней. Щели засыпаются землей. Поверх стен положен брус, на который наложены, в свою очередь, более короткие брусья. Сверху кладется хворост и т.п. и опять-таки засыпается землей. Крыши домов плоские. Конструкция дома примерно такая же, как у карачаевцев. Посредине очаг, дым из очага распростра-

няется по всему помещению, вследствие чего помещение страшно закопченное, напоминающее полированную черную поверхность. Сейчас вам уже придется видеть мало таких домов, но лет 20-30 тому назад их было в горах довольно много. Сейчас вместо очага стоят железные печи, временки (то, что называлось буржуйками в 1919-1920 годах).

Эта изжитая башенная культура, генезис ее, развитие и т. д. представляют собой любопытный предмет исследования.

Обыкновенно строителями башен выступали представители других национальностей. Особенно славились в этом отношении сваны, рачинцы, мтиулы. У строителей башен был свой знак – отпечаток руки на свежей извести.

Существует очень много легенд о том, как погибали строители этих башен. Сейчас, при строительстве каменных домов употребляются очень сложные подъемные машины, краны и т. д. Как осуществлялось строительство этих старинных башен, с головоломными карнизами и проч., нам даже трудно себе представить. Это требовало, очевидно, большого мастерства и умения. Существовал специальный ворот, примитивная подъемная машина, с помощью которой камни поднимались наверх и укладывались. Строитель башни обыкновенно вступал с обществом или родом в соглашение, по которому ему за строительство полагалась та или иная плата. В частности, его полагалось усиленно кормить. Если со строителем случалось несчастье, то ответственность падала на хозяев. Конечно, если это не было результатом собственной неосторожности. Легенда говорит, что, когда строительство башни приближалось к концу, строитель, потеряв равновесие, падал сверху и разбивался насмерть. Если это результат его собственной неосторожности, то никаких последствий для заказчика это падение

не имело. Но если строитель падает потому, что недостаточно накормлен, тогда за смерть его будут мстить. Предание рассказывает, что один такой мастер, падая начал кричать: «Голодный, голодный». Это означало, что он падает потому, что истощен.

В заключение несколько слов о том, что осетины представляют огромный интерес обильным переживанием древнего языческого культа. Официально они числились отчасти мусульманами, отчасти христианами. Но фактически до середины XIX века были язычниками. У них был очень богатый пантеон, мифология. Был у них универсальный главный бог Хацау. Затем бог грома, молнии или небесный бог – Вацила. Если кто-нибудь был убит молнией, то его хоронили на том месте, где это случилось, и по нем нельзя было печалиться, так как это могло разгневать бога Вацилу.

Точно так же нельзя было печалиться, если кто-нибудь заболел оспой. Вокруг заболевшего надо было смеяться, плясать, радоваться и благодарить бога за то, что он проявил свое могущество. Вот, например, песня богу оспы, записанная уже в советское время.

Это старинная песня в честь Аларды⁷, которая пелась хором, причем все смеялись, плясали и т. д.

Был еще бог Тутыр (искаженное Федор), покровитель стада от волков. Он считался пастухом волчьего стада и поэтому моление Тутыру должно было предохранить скот от волков.

В Осетии поражает огромное количество разного рода священных культовых мест. Называются они по-осетински «дзуар». Их огромное количество, так как культы, как и весь быт, были родовыми. Каждый род имел свое место культа. Дзуары расположены на высоких местах, на вершинах гор, холмов. Очень часто эти места приурочиваются к священным рощам. В таких рощах, в дуплах деревьев,

набито множество тряпочек, восковых свечей, колокольчиков. Когда в жертву таким святым местам закалывалось животное, то колокольчик с его шеи снимался и оставлялся на месте культа. Так что по количеству колокольчиков, хранящихся в некоторых местах культа, можно составить представление о том огромном количестве животных, которое было здесь убито.

Автор этой книги <...>⁸ говорил, что им приходилось в развалинах дзуаров находить целые горы колокольчиков,

главным образом – бронзовых.

Вообще, заметьте себе, что осетины интересны с точки зрения этнографической главным образом вследствие богатейших переживаний языческого культа. Пожалуй, ни у одного кавказского народа, кроме абхазцев, не сохранилось такого огромного количества переживаний древних религиозных языческих воззрений, как у осетин, и в литературе эти воззрения довольно хорошо и обстоятельно описаны».

Примечания:

1. Осетинский язык относится к иранской группе индоевропейской языковой семьи.
2. Кавказоведческие исследования М. М. Ковалевского (см. коммент. 4 к лекции 11) в значительной степени опирались на осетинский историко-этнографический материал.
3. Миллер Всеволод Федорович (1848-1913) – выдающийся ученый, лингвист, этнограф, историк, археолог. Значительная часть его научного наследия связана с многосторонним изучением осетин и других народов Кавказа, вел в регионе значительную исследовательскую, экспедиционную и собирательскую деятельность.
4. По переписи 1939 г. осетин числилось 354818 чел.
5. Имя Орджоникидзе город носил с 1931 по 1944 и с 1954 по 1990 гг.; в 1944-1954 гг. – Дзауджикау.
6. Имя Сталинир/Сталинири город носил в 1934-1961 гг. Осетия по осет.: Ир, Ирыстон.
7. Алларды – в осетинской мифологии божество оспы и кори, насылающее на людей эти страшные болезни. Эпитет «золотой» применялся для умиловивления грозного божества.
8. Пропуск в тексте. Неясно, о какой книге идет речь (комментарии Ю. Д. Анчабадзе).

1. Джанауа З. Д. Анатолий Несторович Генко (К 125-летию со дня рождения) // Кунсткамера. 2021. № 3 (13). С. 194-203.

2. Арутюнов С. А., Волкова Н. Г. Сергеева Г. А. Вклад А. Н. Генко в этнографическое изучение Кавказа // Советская этнография. 1987. № 3. С. 61-79.

3. Решетов А. М. А. Н. Генко как этнограф. К 100-летию со дня рождения // КУНСТКАМЕРА. Этнографические тетради. 1987. Вып. 13. С. 318-332/

4. Генко А. Н. Введение в курс этнографии Кавказа. Сухум: ACADEMIA, 2021. 418 с.

5. Вахушти Багратиони. География Грузии // Записки Кавказского отдела

- Императорского русского географического общества. 1904. Кн. XXIV. Вып 5. 294 с.
6. Осетины глазами русских и иностранных путешественников/Сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967. 319 с.
7. Калоев Б. А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. 1984. Вып. 8. С. 72-105.
8. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. М.: РОССПЭН, 2008. 710 с.
9. Кузнецов В. А. Аланы и Кавказ. Осетинская эпопея обретения родины. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. 160 с.

Chibirov, Lyudvig A. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); L.chibirov@mail.ru

PROFESSOR A. N. GENKO AND HIS LECTURE ON THE OSSETIANS.

Keywords: *Anatolii Nestorovich Genko, lectures, languages of the Caucasus, ethnography, Ossetians.*

Professor A. N. Genko is known as the largest Russian linguist, ethnographer, and specialist in the history and ethnography of the indigenous peoples of the Caucasus, as a man of outstanding abilities that allowed him to be fluent in almost thirty languages. As part of the All-Union Central Committee of the New Alphabet at the Presidium of the Council of Nationalities of the USSR Central Executive Committee, he created alphabets for the non-written languages of the Caucasus – Tsakhur, Lezgi, Tabasaran, Abkhaz, Rutul, Khinalug. Genko also became a compiler of dictionaries and grammar. The scientist is considered the first researcher of the Abaza, Ubykhs, Khinalugs, Tsakhurs. The article concludes that a linguist of such a high level used his linguistic knowledge for an in-depth study of the ethnography of the peoples whose language he mastered. This is confirmed by the facts of the scientist's work biography, which combined activities in linguistic and ethnographic institutions: the Research Institute for the Comparative Study of Literatures and Languages of the West and the East at Petrograd University, the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, where in the 30s Genko was in charge of the Cabinet of the Caucasus, the Japhetic Institute, the Cabinet of the Caucasus at the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Lectures of Genko for students of Leningrad State University (Introduction to the course of ethnography of the Caucasus) allow us to consider him a specialist in other ethnic groups of the Caucasus, in particular on the Ossetians. The purpose of the article is to analyze a special lecture on Ossetians, the text of which is presented in this publication, and the information provided by it on a wide range of ethno-cultural issues in the remaining 19 lectures of the course. The article analyzes the material about the Ossetians contained in the lectures, notes the advantages and inaccuracies in them. The above source allows us to assess Genko's contribution to the problems of Ossetian studies: ethnogenesis, material and spiritual culture of the Ossetians.

For citation: Chibirov, L. A. Professor A. N. Genko and his lecture on the Ossetians // *Izvestiya SOIGSI*. 2023. Iss. 48 (87). Pp.163-180. (in Russian). DOI:

References

1. Dzhapua, Z. D. Anatolii Nestorovich Genko (K 125-letiyu so dnya rozhdeniya) [Anatoly Nestorovich Genko (On his 125th anniversary)]. *Kunstkamera* [Kunstkamera]. 2021, no. 3 (13), pp. 194-203.
2. Arutyunov, S. A., Volkova, N. G. Sergeeva, G. A. *Vklad A. N. Genko v etnograficheskoe izuchenie Kavkaza* [A. N. Genko's contribution to the ethnographic study of the Caucasus].

Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]. 1987, no. 3, pp. 61-79.

3. Reshetov, A. M. A. N. *Genko kak etnograf. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [A. N. Genko as an ethnographer. On the centenary of the birth]. *KUNSTKAMERA. Etnograficheskie tetradi* [KUNSTKAMERA. Ethnographic notebooks]. 1987, iss. 13, pp. 318-332.

4. Genko, A. N. *Vvedenie v kurs etnografii Kavkaza* [Introduction to the course of ethnography of the Caucasus]. Sukhum: ACADEMIA, 2021. 418 p.

5. Vahushti Bagrationi. *Geografiya Gruzii* [Geography of Georgia]. *Zapiski Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society]. 1904, book XXIV, iss. 5. 294 p.

6. Kaloev, B. A. (comp.). *Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov* [Ossetians viewed by Russian and foreign travelers]. Ordzhonikidze, Sev. – Oset. kn. izd-vo, 1967. 319 p.

7. Kaloev, B. A. *Pokhoronnye obychai i obryady osetin v XVIII – nachale XX v.* [Funeral customs and ceremonies of Ossetians in the XVIII – early XX century]. *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian Ethnographic Collection]. 1984, iss. 8, pp. 72-105.

8. Chibirov, L. A. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [Traditional spiritual culture of the Ossetians]. Moscow, ROSSPEN, 2008. 710 p.

9. Kuznetsov, V. A. *Alany i Kavkaz. Osetinskaya epopeya obreteniya rodiny* [Alans and the Caucasus. The Ossetian epopee of finding a homeland]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2014. 160 p.